

УДК 396.2 (571.62)

Фадеева Е.В.

Имущественно-правовое положение женщины в традиционной семье коренных народов Нижнего Амура

The property status and restitution of women in traditional family of native peoples of the Lower Amur

В статье рассматриваются имущественные права женщины (главным образом, права на получение, владение и распоряжение недвижимостью, опеку и попечительство, расторжение брака и право на детей). Анализ приведенных материалов позволяет сделать вывод о том, что обычное право коренных народов, как и весь общественный и семейно-бытовой уклад, имело ярко выраженный патрилокальный характер.

Ключевые слова: *традиционная семья, женщина коренных народов, имущественное положение, правовое положение (реституция), отцовский род*

The article addresses to women's property rights (mainly the right to acquire, own and dispose of property, guardianship, divorce and the right to children). Analysis of the material suggests that the customary law of indigenous peoples, as well as the entire social and family structure of everyday life, had a pronounced patrilocal nature.

Key words: *traditional family, the women of the native peoples, property status, restitution, paternal kin (gene)*

Характеристика имущественных прав женщины даёт возможность, с одной стороны, расширить и детализировать представления о внутреннем строе семейного института коренных народов Нижнего Амура (нанайцев, удэгейцев, орочей, ульчей, нивхов, негидальцев); с другой стороны, - осветить социальное положение женщины в системе взаимоотношений родового общества второй половины XIX – начала XX вв.

Положение мужчин и женщин в родовом обществе, по причине господства отцовского начала, было неравноправно, – женщины от общественной жизни рода отстранялись. Мужская часть рода была наиболее активна, поскольку их деятельность неразрывно связывалась с необхо-

димостью более или менее частого удаления от своего жилища и селения. В то время как женщины практически никуда не отлучались (за исключением однодневных походов для сбора ягод и дикоросов летом) от дома, поэтому они составляли менее активную часть рода. Последние, по причине строгой экзогамности брака, из рода уходили, и вместо них приходили другие женщины, которые становились жёнами поколения братьев. Следовательно, женщины представляли переменный элемент рода, как это впервые было отмечено Л.Я. Штернбергом [13, с. 355], а мужчины – постоянный. Эта закономерность определяла порядок предоставления прав членам родственного коллектива практически во всех областях общественной жизни и семейного быта. Женщина, пока не выходила замуж, как и все остальные невыделенные члены семьи, никаких прав на семейное имущество не имела, поскольку последнее находилось полностью в руках главы семьи, который и использовал его по своему усмотрению.

Имущественные отношения в семейной сфере между супругами были основаны на принципе раздельности имущества. Собственность жены состояла из двух частей: из личного имущества, подарков отца и родственников, сватов, полученных во время и после замужества, всего того, что она изготовила сама (предметы рукоделия и т.п.) и приданого. Эти части различались по назначению, происхождению, правовому положению и выделялись из семейного имущества в отдельный разряд [3, с.145]. В личную собственность женщины входили платья, предметы личного употребления, иногда юрты, все орудия труда женщины и домашняя утварь. Вместе с юртой женщине принадлежала также и постель, то есть подстилка, подушки, спальные мешки, а у осёдлых народов – одеяла и прочие вещи, составляющие постель. У негидальцев, как и у других оленеводческих племён, олени, полученные в подарок от отца при рождении принадлежали женщине, так же как и приплод от этих олений. (АМАЭ РАН.Ф. К-2 (Фонд С.М. Широкогорова). Оп. 1. Д. 217. Л. 127-129).

Приданое считалось исключительно женским имуществом, являясь своеобразным обеспечением женщины, входящей в новую семью, и гарантией её обеспечения в старости. Женщина могла распоряжаться своей собственностью независимо от мужа и других членов семьи; оно в какой-то мере составляло основу её личной независимости. Большая часть приданого была неприкосновенной, и вещи лежали без применения иногда до самой смерти хозяйки. В этом случае, из приданного изымалась её погребальная одежда для захоронения, а оставшаяся часть приданого раздавалась согласно родовым обычаям [2, с. 84].

После смерти бездетной жены приданое возвращалось её отцу или братьям; остальное имущество переходило в род мужа. При наличии же взрослых детей оно переходило к ним, а если дети были малолетними, то к мужу, обязанному воспитывать их. При наличии нескольких жён их приданое не смешивалось и всегда учитывалось раздельно, чтобы впоследствии досталось детям той жены, за которой оно было получено [6, с. 19; 13, с. 281]. Всё остальное находилось в общесемейной собственности, которой распоряжался глава семьи. Ограничивалось и право женщины на пользование приданым, за исключением одежды и обуви. Право жены на приданое вступало в силу только в случае развода или смерти мужа. Все остальные члены семьи до выдела их могли только пользоваться, но не владеть имуществом семьи. У орочей в случае смерти отца главенство в семье переходило при малолетних детях к матери. У нивхов допускались завещательные распоряжения со стороны домохозяина в пользу лиц чужого рода – живущего в семье жены зятя и даже работника. У сахалинских нивхов жена и дети имели право пользования

общим имуществом и право совещательного голоса при решении семейных дел. Калым, уплаченный за девушку, поступал в распоряжение её отца и, частично, её ближайших мужских родственников, она же сама к нему никакого отношения не имела.

У сыновей и дочерей также имелась личная собственность, которой отец произвольно не имел права распоряжаться (олени с приплодом, подаренные родителями или родственниками (негидальцы), подарки и то, что было сделано своими руками). В случае притеснений со стороны отца сыновья в любое время могли отделиться. При выделе жена сына забирала с собой приданое, которое, наряду с личным имуществом сына, составляло экономическую базу новой семьи. Относительная независимость сыновей обуславливалась формами добывания средств существования, не требующих коллективных усилий. По отношению к дочерям отец пользовался деспотической властью [13, с. 11]. Последние у нивхов получали в наследство приданое, а иногда в наследовании принимали участие и замужние дочери, особенно если не было наследников мужского пола, или когда мужья купили их за высокую цену [14, с. 16]. У лучшей право на часть имущества также имели не только сыновья и жена, но и не замужние, и даже замужние дочери; полученные вещи становились личной собственностью, подобно приданому. Если умерший не имел сыновей, то всё имущество доставалось дочерям, братья покойного получали его лишь в том случае, если были очень близки умершему. В случае если дочери-наследницы были малолетними, братья отца или другие ближайшие родственники брали их к себе, воспитывали и выдавали замуж, а имущество делили между собой. Не выданная замуж девушка сама являлась своего рода имуществом: её после смерти отца в случае раздела братьев присоединяли к тому из них, кому ещё не дали средств на калым, чтобы из полученных за сестру средств он внёс выкуп за свою невесту. Если после смерти отца оставались два сына и дочь, а имущества было мало, то одному брату давали имущество, а другому – сестру. Если же имущества не было вовсе, то дочь отдавали обоим братьям для разделения пополам полученного за неё калыма. При этом она могла жить у того брата, у которого хотела, а расходы по её содержанию несли оба брата одинаково [11, с. 180; 6, с. 36]. В моногамной семье недвижимое имущество обычно доставалось младшему сыну, даже если он был ребёнком, но хозяйство до его совершеннолетия за него вела мать. В полигамных семьях недвижимое имущество доставалось младшему сыну от старшей жены, остальное имущество распределялось между детьми остальных жён, учитывая количество детей у каждой из них. Этот обычай напрямую был связан с выделом детей. Если же покойный не имел детей, его вдова, входя в семью брата как «нэкумэде» (согласно обычаю левирата), вносила в неё всё имущество [9, с. 108-109].

У эвенков, негидальцев личной собственностью всегда считались оружие охотника и орудия для обработки шкур, а также верховой олень. К ней относили и приплод от самки, подаренной при рождении ребёнка. Благодаря традиции взаимных браков между двумя родами часть личных оленей жён оставалось в роде матери: несколько оленей, приведённых в качестве калыма, возвращалось в виде приданого дочерей и внуков. Нетрудоспособную мать брал к себе на иждивение обычно младший сын. Олени после смерти главы семьи делились между сыновьями и воспитанниками, дочери же от наследования устранялись. При трудоспособности вдовы покойного имущество не делилось. Возвращаясь к родителям, женщина могла взять только личные вещи. После смерти жены лишь её личные вещи выходили из семьи мужа: часть на могилу, мелочи – её матери или подругам. Домашних животных умершей получали в наследство её дети и муж, или её сестра, если входила, по прин-

ципу сорогата, за своего овдовевшего зятя; или же любая другая, вышедшая за него замуж женщина. Если покойная была вдовой, её имущество (главным образом, предметы женского обихода) наследовали её сыновья и дочери [1, с. 156]. Оленя, которым пользовалась покойная, иногда также убивали, а его мясо съедали родственники умершей. Если у женщины не было и детей, то её имущество переходило к младшим членам рода её мужа, а именно: животные – к мужчинам, а предметы женского обихода и лично ей принадлежавшие вещи – к женщинам (АМАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 139-141).

При разводе и возвращении жене приданого муж не обязан был отдавать именно те вещи, которые входили в состав приданого; он должен был вернуть равное количество вещей [3, с. 146].

У нанайцев, если из наследников оставалась одна женщина, то она наследовала огород, нарты, луки, собак, сани, все вещи, одежду и украшения. Исключение составляли охотничьи уголья, одежда покойного, которые переходили к родственникам-мужчинам по боковой линии. После смерти мужчины наследовали его дети, прежде всего по мужской линии, возраст сыновей при этом не играл роли; дочери при наличии сыновей не наследовали отцу, но получали от братьев приданое (как бы часть наследства отца). Если после смерти мужчины у него оставались только дочери, то они наследовали имущество отца (замужние и незамужние), несмотря на наличие у умершего родных братьев и сестёр. Но если из двух дочерей одна была замужней, а другая – девушкой, то наследовала последняя. Если после смерти мужчины оставалась одна дочь, девочка, то её брали в дочери ближайшие родственники умершего. Когда она вырастала, то её продавали замуж обязательно в другой род, и она с собой уносила всё, что наследовала от отца. Если у бездетного умершего мужчины оставалась жена, то, несмотря на наличие у покойного братьев и сестёр, наследовала супруга. По своему усмотрению она могла выделить им часть из имущества, но могла и ничего не дать (АМАЭ РАН. Ф. 5 (Фонд А.Н. и Н.А. Липских). Оп. 2. Д. 74. Л. 140, 143). Имущество бездетной вдовы следовало в род её отца. В случае выхода её замуж, имущество её прежнего мужа оставалось в роду её отца. После смерти жены её имущество наследовал муж, затем часть из него выделялась детям. Если детей не было, то супруг наследовал всё сам. Братья и сёстры жены ничего из наследства не получали. После смерти женатого сына мать вместе со своим мужем наследовала его имущество и выделяла половину своей невестке.

В наследовании имущества мужа, если с его стороны не было родственников, принимала участие, кроме детей и братьев, жена. (АМАЭ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 74. Л. 144, 145, 146). Если женщина после смерти мужа вторично выходила замуж за мужчину из другого рода (вопреки обычаю левирата), то калым за неё получал род её покойного мужа. При наличии у покойного живых родителей женщина не наследовала оставшегося после мужа имущества. Если она оставалась в роду мужа (не выходила замуж) и у неё были малолетние дети, то к ней переходило управление имуществом покойного, которое считалось принадлежащим детям (АМАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 51). Если девушка рождала ребёнка до брака, то ребёнок обычно принадлежал роду того человека, который впоследствии женился на этой девушке. Калым был несколько выше обычного в том случае, если у неё рождался сын. Возможным был случай, когда род терял имущество, а именно, если оставшаяся после смерти своего мужа главой семьи женщина имела не сына, а дочь. Она выдавала последнюю замуж за человека, принадлежавшего к другому роду, а её имущество после её смерти и имущество, оставшееся после её покойного мужа, переходило к дочери и зятю, то есть к члену дру-

гого рода. В таком случае зять вступал во владение этим имуществом, как глава семьи, а имущество продолжало сохраняться у семьи. (АМАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 217. Л. 53).

У орочей, если умирал мужчина, его имущество наследовали сначала родные братья, при их отсутствии, – двоюродные братья. Калым же следовал за женой, так как считался её полной собственностью. И если она в случае смерти мужа уходила из дома, то брала его с собой, а при её смерти калым бросали на её могилу (АМАЭ РАН. Ф. 12 (фонд Б.А. Куфтина). Оп. 1. Д. 48. Л. 27). Таким образом, фактически вдова не являлась наследницей своего покойного мужа. Она скорее представляла собой как бы приложение к наследственному имуществу и, если у неё не было детей, учитывалась при разделе имущества между братьями или другими родственниками покойного. При несовершеннолетних детей она была хранительницей принадлежавшего им отцовского имущества вплоть до их совершеннолетия.

Тем самым, имущество, состоящее из предметов женского обихода, наследовалось женщинами либо принятыми в состав рода, либо рождёнными в нём. Первые, исходя из матримониальных связей двух родов, могли быть сёстрами, тётками и пр. умершей женщины; вторые – её дочерьми или племянницами. В любом случае вопрос относительно такого имущества решался самими женщинами. С точки зрения наследования, замужняя женщина принадлежала к роду своего мужа.

Порядок наследования отличался следующими особенностями. У орочей, нанайцев, нивхов имущество отца и матери переходило в род отца, женщины в наследовании не участвовали. Из этого общего правила имелись исключения. Так, у нанайцев мать при разделе между сыновьями отцовского имущества получала равный с прочими наследниками пай; у нивхов женщинам предоставлялось право наследовать по завещанию. Последнее, думается, более позднее заимствование от соседних народов. Если нивх умирал бездетным или оставлял детей женского пола, то его имущество переходило к тому брату, который вступал в брак с вдовой. У орочей существовало также наследование договорное, основанное на взаимном соглашении между отцом семьи и принимаемым в неё зятем.

В целом, в традиционном обществе дальневосточных этносов прослеживается тенденция ущемления имущественных прав женщины, которая особенно ярко проявляется в бракоразводных процессах. В прошлом разводы у народов Нижнего Амура не редко происходили по инициативе женщины (чаще – у нанайцев, ульчей, нивхов; у удэгейцев и орочей – реже). Тем не менее, расторжение брака для женщины было делом гораздо более сложным и предосудительным, нежели для мужчины. Обычное право признавало следующие основания для развода: нарушение супружеской верности (для мужчин – многократное, для женщин – единожды), более или менее длительное отсутствие супруга, жестокое обращение мужа с женой, связанное с побоями и истязаниями, систематическое пьянство, импотенция мужа, неспособность к деторождению (причём виновной всегда признавалась женщина), неподготовленность жены к ведению хозяйства, её неуважение к традициям домашнего уклада в семье мужа, расточительность мужа. Например, если удэгеец морил жену голодом, избивал и издевался над ней, то она могла забрать свою коробку моёг со швейными принадлежностями и вернуться к отцу [10, с. 117]. Основополагающей нормой расторжения брака (как по обоюдному согласию, так и по инициативе одного из супругов) было возвращение калыма мужу, а приданого – жене; то есть происходило расторжение брачного договора путём аннулирования его условий. Эта норма варьировалась в зависимости от обстоятельств и причин разво-

да: если был виноват муж, ему могли отказать в возвращении калыма; если же жена – право мужчины на калым сохранялось. В случае ухода жены от мужа к своим родителям, её отец обязан был вернуть либо калым, либо дочь. Если женщина уходила для сожителства к другому с согласия родителей, последние также должны были вернуть калым. При повторном замужестве женщины её новый муж возвращал прежнему калым, а жена получала своё приданое [3, с. 150]. Дети, согласно обычному праву, после развода родителей оставались в роде мужа, за исключением тех случаев, когда они ещё не могли обходиться без матери. Тем не менее, позднее ребёнка всё равно отдавали отцу. Добрачный ребёнок оставался у родителей девушки, когда она выходила замуж, и они воспитывали его, как своего ребёнка [8, с. 19; 5, с. 5; 7, с. 31, 33; и др.].

После развода женщина не могла претендовать на часть семейного имущества. Разводы, хотя и не запрещались обычаем, были крайне редким явлением. Большую роль в этом играла материальная сторона дела: мужья теряли необходимую в семье пару рабочих рук, плюс к этому, на приобретение новой жены требовались большие средства, которые были не у каждого мужчины. Женщину останавливало то обстоятельство, что муж мог потребовать возвращения уплаченного родителям жены калыма, если развод произойдёт по инициативе, или «вине» женщины (АМАЭ РАН.Ф. 5. Оп. 6. Д. 5. Л. 24). К тому же, если родные женщины считали зятя «хорошим», то женщину, убежавшую от мужа, били и отсылали обратно, а муж, в свою очередь, «учил её палкой» [12, с. 14]. У нанайцев брак мог быть расторгнут тотчас же, если мать невесты оказывалась недовольна поведением своего зятя (АМАЭ РАН.Ф. К-2. Оп. 1. Д. 214. Л. 48). Измена жены очень редко приводила к разводу. Если женщина находилась одна в жилище, то любой гость мог рассчитывать быть принятым ею, так как муж иногда отсутствовал целые недели и мог случайно оказаться в том же положении, что и любовник его жены («женщина – не еда, её не убудет»). Тем не менее, отношения с иностранцами и с несколькими мужчинами одновременно осуждались («она похожа на сучку – бегаёт по домам целыми днями и ночами»).

Жена могла требовать развода, если муж дурно с ней обращался, бил, не обеспечивал пищей и одеждой, пьянствовал, удалялся от неё или совсем бросал её и жил с другой женщиной. В таком случае жена сначала просила о вмешательстве род мужа. Если это не помогало, она могла просить официального развода, и в таком случае калым не возвращался. У орочей, если муж обижал жену, отец последней собирал всех окрестных свидетелей и забирал свою дочь обратно, при этом муж терял право на возврат калыма. В случае виновности жены калым возвращался мужу (АОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Оп. 1. Д. 10. Л. 82, 105). Род мужа мог попросить её, в силу принципа левирата, остаться в качестве жены какого-либо младшего родственника мужа. В случае доказанности вины мужа суд присуждал отцу жены определённое количество денег или вещей, который, возвращая дочь зятю, брал их в качестве залога за хорошее поведение последнего. У ульчей муж за избиение жены, повлёкшее за собой какие-либо увечья женщины, а также за оскорбление её родственников в качестве платы давал баранью шубу, китайский шёлковый халат дешёвой цены, полотенце, чтобы «утирать стыд», кусок шёлка длиной в 4 сажени и котёл [12, с. 13; 4, с. 80]. В случае виновности жены калым подлежал полному или частичному возвращению, а жена при этом теряла и своё приданое. После развода, при встрече с бывшим мужем женщина отводила глаза, закрывала лицо ладонью и проходила. Такой этикет просуществовал до 30-х годов XX в. [5, с. 51]. Бесплодие жены не давало мужу повода для развода, но позволяло ему приобрести вторую жену. В случае обоюдного желания развода вопрос

передавался на рассмотрение родов мужа и жены (АМАЭ РАН. Ф. К-2. Оп. 1. Д. 216. Л. 236-237, 272-273).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что обычное право коренных народов, как и весь общественный и семейно-бытовой уклад, имело ярко выраженный патрилокальный характер. В связи с этим, в целях предотвращения «распыления» имущества, правами наследования обладали те, кто состоял в роде отца и впредь был членом хозяйственного союза, то есть лица мужского пола; а не те, которые выходили из семьи при выходе замуж, то есть, дочери и сёстры.

Литература

1. Василевич Г.М. Эвенки: историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.) / Г.М.Василевич. Л.: Наука, 1969. 304 с.
2. Гаер Е.А. Древние бытовые обряды нанайцев / Е.А.Гаер. Хабаровск: Кн. Изд-во, 1991. 142 с.
3. Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII – XIX вв.) / В.А. Зибарев. Томск: Кн. Изд-во, 1990. 208 с.
4. Золотарёв А.М. Родовой строй и религия ульчей / А.М.Золотарёв. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 206 с.
5. Киле Н.Б. Традиционный этикет взаимоотношений между членами семьи у нанайцев. // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997. С.46-52.
6. Кисляков Н.А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX – нач. XX в.) / Н.А.Кисляков. Л.: Наука, 1977. 131 с.
7. Маргаритов В.П. Об орочах Императорской гавани / В.П.Маргаритов. Спб.: ИАН, 1888. 56 с.
8. Пилсудский Б.О. Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904г. / Б.О. Пилсудский. Южно-Сахалинск, 1989. 76 с.
9. Смоляк А.В. Ульчи: Хозяйство, культура и быт в прошлом и настоящем/ А.В.Смоляк. М.:Наука, 1966. 290 с.
10. Старцев А.Ф. Создание семьи и воспитание детей у удэгейцев (по материалам В.К.Арсеньева) // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997. с.108-124.
11. Тихвинский С. Записки миссионера. Воспоминания о жизни гольдов, гиляков, самогирцев, айнецев и других народах, обитающих по Амуру и его притокам: Гиляки. // Благовещенские епархиальные ведомости за 1913 г. № 9-10. с. 146-152.; № 11. С.179-186.
12. Шимкевич П.П. Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия. // Этнографическое обозрение. 1897. № 3. Кн.34. с. 1-20.
13. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Под ред. И с предисл. Я.П.Алькор (Кошкина). Хабаровск: Кн. Изд-во, 1933. 740 с.
14. Штернберг Л.Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии/ Л.Я.Штернберг. Л.: Наука, 1933. 187 с.